

Yuri Nikolaevich Davydov and Modern Elitology: Review on the Book of Yuri. N. Davydov «Art and Elite» (1966)

Leonid Ya. Podvoisky

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

E-mail: [leonid.podv\[at\]gmail.com](mailto:leonid.podv[at]gmail.com)

Abstract

Elitological science is constantly fed by works from related scientific areas where the problems of the elite and eliteness are considered. Among such works is the well-known work of Yu.N. Davydov «Art and the Elite», which was actually completed in the 1960s. on the topic of elitology of culture. This is one of the first fundamental works which made attempts to study the phenomenon of elite art and elite culture systematically.

It was written and published in those years when the word «elite» itself was banned in the Soviet Union. The uniqueness of this book also consisted in the fact that the author was able to bypass the sharp ideological «corners» of that time very successfully which were obligatory for work on such issues. At the same time, the contribution of Yu.N. Davydov in the development of world and domestic elitist thought has not been fully appreciated. In the elitist community, his name is practically little known and rarely mentioned. This material is intended to partly fill this void, eliminate the existing injustice and appreciate the work of an outstanding Russian researcher of elite culture.

Keywords

Art; elite; creation; perfection; the beauty; aesthetics; ethics.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Юрий Николаевич Давыдов и современная элитология: рецензия на работу Ю.Н. Давыдова «Искусство и элита» (1966 г.)

Подвойский Леонид Яковлевич

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

E-mail: [leonid.podv\[at\]gmail.com](mailto:leonid.podv[at]gmail.com)

Аннотация

Элитологическая наука постоянно подпитывается трудами из смежных научных направлений, в которых, так или иначе, затрагиваются рассматриваемые ею проблемы элиты и элитности. К числу таких работ относится известный труд Ю.Н. Давыдова «Искусство и элита», который фактически был выполнен еще в 1960-х гг. по теме элитологии культуры. Это одна из первых фундаментальных работ, в которых сделаны попытки системного изучения феномена элитарного искусства и элитной культуры.

Она была написана и опубликована в те годы, когда в Советском Союзе само слово «элита» вообще было под запретом. Уникальность этой книги состояла еще и в том, что автору удалось весьма успешно обойти острые идеологические «углы» того времени, обязательные для работ по такой проблематике. Вместе с тем вклад Ю.Н. Давыдова в развитие мировой и отечественной элитологической мысли так до конца и не получил должной оценки. В элитологическом сообществе его имя практически малоизвестно и редко упоминается. Данный материал призван отчасти восполнить эту пустоту, устранить существующую несправедливость и по достоинству оценить творчество выдающегося отечественного исследователя элитарной культуры.

Ключевые слова

Искусство; элита; творчество; совершенство; красота; эстетика; этика.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В истории науки есть работы ученых, которые не теряют своей значимости и спустя весьма солидное время. Они остаются актуальными и к ним постоянно обращаются все новые и новые поколения исследователей. К таким работам относится вышедшая еще в 1966 г. книга известного российского социолога и философа Юрия Николаевича Давыдова (1929 – 2007) «Искусство и элита» (М.: «Искусство», 1966. – 344 с.). Эта работа заслуживает более пристального внимания со стороны элитологической науки, чем ей было уделено до этого. Наряду с работами Н.А. Бердяева, А.Ф. Лосева и М.М. Бахтина ее следует рассматривать как существенный вклад в процесс познания смысла элитарной культуры и искусства и создания системы знаний по направлению элитология культуры. Высказанные в «Искусстве и элите» идеи, были затем продолжены в других исследованиях Ю.Н. Давыдова, оценка значения которых для современной элитологической науки тоже ждет своего часа (Давыдов, 2008b).

Уже во «Введении» к работе «Искусство и элита» Ю.Н. Давыдов пытается сформулировать свое видение и понимание сущности искусства. Устанавливая разграничительные линии между наукой и искусством, он отмечает наличие дистанции между рациональным и чувствительным в человеческой природе. Искусство может существовать только в атмосфере человеческой чувствительности – эстетика не может отрываться от ритма жизни (Давыдов, 2008а, стр.126 и далее).

Красной нитью через всю работу Ю.Н. Давыдова проходит мысль о необходимости критики буржуазной культуры за ее элитаристские, т.е. оторванные от реальной жизни доктрины. Постулаты о «чистой культуре», «чистых идеях» и т.п. оказываются самым настоящим «чистым фарсом» и «чистым лицемерием» (Давыдов, 2008а, стр.359). Именно против этого, в общем и целом, и выступает в своей работе Юрий Николаевич. Для этого ему приходится весьма детально разбирать классические буржуазные теории искусства, начиная от Канта и заканчивая современными ему авторами.

Идеологами «духовной элиты» он считает таких философов прошлого, как Кант, Шопенгауэр, Ницше, Шпенглер, Ортега-и-Гассет... Они пытались не просто осмыслить роль творца новых художественных ценностей, объявляя его гением искусства, но и создать апологетическую идеологическую систему, в рамках которой буржуазной культуре будет комфортно проповедовать свои духовные ценности. Такие идеологи всегда стремились выстроить непреодолимый «забор» между элитой и массами, между «элитарной культурой и общественным («корыстным», «массовым») интересом. И не всегда этот «забор» выдерживал столкновение с реальной объективной действительностью (Давыдов, 2008а, стр.361).

На протяжении всей истории искусства мы постоянно фиксируем элитарные тенденции, высшей точкой развития которых стало наличие элитарных идей в этике и эстетике (Давыдов, 2008а, стр.132). Эти идеи постоянно сталкиваются с народными представлениями об эстетической оценке

мира, что приводит человечество к некому внутреннему конфликту. Именно анализу этой конфликтности в целом и посвящена вся его работа «Искусство и элита».

Перед нами то, что мы условно можем назвать метафизической элитологией – учение о совершенстве, учение о красоте и гармонии мира. Уже в самой классической философии Ю.Н. Давыдов усматривает наличие элитарной концепции искусства, особенно в учении об идеале, как о стремлении к идеалу, как к достижению «гармоничного равновесия сил» (Давыдов, 2008а, стр.135).

Свое собственное исследование Юрий Николаевич начинает с детального анализа истории рассматриваемого им вопроса. Высшие пределы постижения эстетического были доступны не многим, а лишь тем избранным единицам, которые наиболее глубоко и остро воспринимали и переживали ценности искусства, кто наиболее тонко ощущал высоту красоты и совершенства, свободы творчества, проблему иронической рефлексии и т.д. Со всеми этими элементами была также непосредственно связана еще одна культурологическая проблема – проблема гениальности. Она особенно остро прозвучала в немецкой классической философии (Кант, Шеллинг, Гегель), где ей уделялось весьма серьезное внимание (Давыдов, 2008а, стр.145-147). Автором достаточно подробно разбирается оценка классиков немецкой философии относительно того, как они сами понимали и оценивали феномен элитного в культуре. Свои основополагающие выводы классики сделали в основном из своих критических суждений относительно достижений немецкого романтизма своей эпохи.

Согласно общей точке зрения Ю.Н. Давыдова, базовыми категориями элитологии культуры являются высшие и универсальные философские принципы – этические и эстетические требования, раскрывающие «категорический императив гениальности»: гениальность есть акт свободы, любви и религии, которые однажды превратятся в искусство и науку. И. Кант и Ф. Шлегель утверждали, что от всякого следует требовать гениальности, но не от всякого следует ожидать адекватного решения этого требования (Давыдов, 2008а, стр.148). Кант исходил из того, что каждый нормальный человек способен наслаждаться искусством («чистотой форм») и потому оно в принципе доступно любому нормальному представителю человеческого рода.

Он также останавливается на мысли Гегеля о том, что великий художник всегда нуждается в свободном развитии духа, и, создавая новые культурные ценности, выражает в них свои наивысшие духовные переживания (Давыдов, 2008а, стр.167). Творческая деятельность человека преобразовывает его дух, превращает его искусство в «абсолютное содержание». Но он творит не столько для себя, сколько для своего народа. Поэтому произведениями искусства могут считаться только те творения, которые соответствуют этому культурному императиву. Если его творение оказывается непонятным, то оно оказывается лишенным содержания, не истинно и поэтому не может быть отнесено к числу подлинных произведений искусства (Давыдов, 2008а, стр.171).

Ссылаясь на Гегеля, Юрий Николаевич констатирует, что «проблема доступности (понимания) искусства раскрывается... как проблема взаимоотношения различных уровней художественного сознания, различных последовательных этапов развития художественной культуры, которое характеризуется тем, что низшая ступень не только не противоречит «высшей», а заключает в себе внутреннее стремление к ней. И если «для нас» эти ступени представляются как нечто отличное друг от друга, то «в себе» поистине они тождественны, ибо представляют один и тот же «дух» в его поступательном развитии» (Давыдов, 2008а, стр.177).

Своё видение элитарности культуры предлагали и сами представители немецкого романтизма. У них она выглядит более художественной и менее научно-философской. Так, у Новалиса фигура романтического художника приобретает «универсальные размеры: «гениальный субъект» становится «абсолютным субъектом» - богом, а сама гениальность - «божественным даром» («искрой божьей»), выражением непосредственной причастности высшей творческой силе. Гений художника - это... высшая способность, по отношению к которой разум, фантазия, рассудок, ум - лишь частные функции» (Давыдов, 2008а, стр.186). Художник стремится сравняться с самим творцом, сделаться адекватной ему величиной.

Одно из первых мест, а то и первое, в эстетике занимает категория «красота». «Красота - это не просто характеристика обособленного от реальной жизни «странного мира» искусства... Красота - это основа универсума и выражение его целостности; это подлинная реальность, истинная действительность» (Давыдов, 2008а, стр.188). Именно к этой «истинной действительности» и стремится искусство.

Немецкая философия пытается раскрыть содержание «художественной элиты», анализируя не только связанный с ней феномен гениальности, но и проникая в смысл творчества как процесса. Рассматривая элитарную концепцию искусства Вагнера и Ницше, Ю.Н. Давыдов отмечает, что она нашла свое выражение в т.н. «идее Байрейта».¹ Эта идея расшифровывается как консолидация небольшого круга «друзей особенного искусства» Вагнера, как идея союза гения и той части «публики, которая возвысилась до «гениального умонастроения»... Словом «идея Байрейта» социологически расшифровывается как идея художественной элиты, которая должна была выполнять роль посредника между «особым искусством» Вагнера и грядущими поколениями» (Давыдов, 2008а, стр.267).

Молодой Ницше представлял художественную элиту «байрейтской идеи» как враждебную современному ей искусству группы лиц, которая освобождала поруганное искусство, восстанавливая ее поруганную святость. Такая элита должна отделиться от продажного большинства и скомпрометировавшей себя

1 Ежегодный летний Байрёйтский фестиваль (Bayreuther Festspiele), на котором исполняются музыкальные драмы Рихарда Вагнера, проводится с 1876 г. в баварском городе Байройте (Байрёйте) в специально построенном для этого театре.

растленной культуры. Такое освобождение искусства – единственный луч надежды в их исторические дни. Для одиноких душ он становится царством красоты и истины, тогда как большинство по-прежнему остается во власти «чадающего огня» своего искусства (Давыдов, 2008а, стр.268).

Мировоззрению байрейтской элиты открыты высшие смыслы и цели бытия. В ее мироощущении проснулся Гамлет, для которого открылись глубинные смыслы расколотого мира. И эта истина начинает вести их к подлинной красоте и чистоте великого искусства. Искусства. Они переживают состояние переворота, когда им открывается истинное состояние вещей. Переживая состояния Гамлета, художественная элита обретает полноту бытия в гениальном искусстве Вагнера (Давыдов, 2008а, стр.269-272). Для самого молодого Ницше это переживание тоже стало поворотной точкой в его биографии. Повстречавшись с творчеством Вагнера (гения) и его художественной байрейтской элитой, он сам пошел тем же самым путем (путем гения), собирая вокруг себя такую же ницшеанскую философскую элиту. В дальнейшем он пересмотрел свои восторженные взгляды в отношении Вагнера, но это уже диалектика развития его творческой лаборатории.

Рассматривая дальнейшее развитие идей элитарной культуры, Ю.Н. Давыдов замечает, что они от сугубо эстетических могли меняться, становиться и приобретать характер так же и социально-экономического содержания. Нечто подобное мы видим в концепции культуры О. Шпенглера, у которого обнаруживается элемент установления «бюрократического контроля» элиты над массами, «над всей системой общественной жизни вообще» (Давыдов, 2008а, стр.333). Такой контроль уже отвечает политическим задачам правящих капиталистических элит и, с точки зрения ортодоксального марксизма, совершенно недопустим.

Вставая на позицию критики пороков буржуазной культуры, Ю.Н. Давыдов отмечает, что ее апологеты пытаются представить дело так, будто бы эта культура постоянно обновляется, что она находится в постоянном поиске новых смыслов. По его мнению, это не так. «Буржуазная культура, отведавшая яблока с древа познания добра и зла и причинившая миру столько же добра, сколько и зла, желает вновь вернуться в состояние блаженной невинности. Это – культура, которая не хочет, чтобы ее принимали всерьез, чтобы с ней обращались строго, предъявляя ей максимальный общественный счет. Только в этом невинно-игровом, беззаботно-веселом, бессмысленно-дурашливом состоянии видится ей перспектива действительно свободного развития. Это ли не признание банкротства буржуазной культуры?» (Давыдов, 2008а, стр.360). Как очевидный сторонник господствовавшего в те годы в СССР соцреализма, Ю.Н. Давыдов видит, что провозглашенная буржуазной культуры свобода носит относительный (т.е. ограниченный) характер и является свободой не для всех, а только для самой элиты.

Стремление буржуазной культуры возвратиться к «невинности», Ю.Н. Давыдов оценивает как возвращение к детству. Тем самым оно стремится огра-

ничить духовную деятельность интеллектуалов от вмешательства в нее корыстного массового интереса. Такое состояние, по его мнению, чревато «блаженным неведением» интеллектуала относительно того, в каких целях правящие элиты используют его творческий продукт. «Такова плата за элитарно обособленный способ существования духовной культуры» (Давыдов, 2008а, стр.360-361). Вообще, элитарность им понимается и трактуется как фатальный разрыв с общественным, как установление непреодолимой дистанции между качеством и количеством. Это антидиалектическое состояние и вызывает у него острую критику, непонимание и отторжение. Ибо находящаяся вне диалектического развития элита – обречена, фатально обречена на снос и забвение...

Буржуазная элитарная культура представляет собой возведенный в ранг творчества эгоизм замкнувшейся на себе личности, глубоко ушедшей в свои проблемы, в проблемы «внутренней эмиграции». Он сравнивает такую «эмиграцию» со страусом, который прячет голову под своим крылом. И, по его мнению, такое страусиное качество элитарного сознания становится своего рода бегством от капиталистической реальности (Давыдов, 2008а, стр.364).

Юрий Николаевич утверждает, что «Ницше, Шпенглер и Ортега-и-Гассет развили наиболее чистые – так сказать, классические – теоретические формы элитарного понимания искусства, которые последовательно сменяли друг друга в период с 70-х годов XIX века вплоть до конца 30-го годов нашего столетия [XX века – Л.П.]... Эти мысли не только очертили круг элитарных идей, но и продумали до конца многие из них, вводя элитарные концепции искусства в широкий контекст проблематики философии культуры. Острое социальное чутье и внушающая уважение способность не останавливаться перед самыми крайними следствиями, логически вытекающими из принятых ими теоретических предпосылок, – вот что отличает этих «классиков» элитарного толкования искусства от их многочисленных эпигонов» (Давыдов, 2008а, стр. 365).

Перед буржуазной элитарной культурой всегда остро стоял вопрос о доступности ее достижений потребителю. Этот вопрос особенно обостряется в условиях кризиса западноевропейского искусства, вызванного столкновением вымышленной системы ценностей с реальностями капиталистического бытия.

«Проблема взаимопонимания между художником и широкой публикой осложняется еще и тем, что художнику дозволяется служить последней только в том случае, если его творчество в той или иной степени отвечает требованиям, предъявляемым к искусству господствующим классом; именно этот класс определяет содержание и направление деятельности учреждений, ведающих производством и распределением духовных «ценностей» (и определяющих их «стоимость»)» (Давыдов, 2008а, стр.369).

Свобода творчества, как и свобода слова в развитых западных демократиях измеряется «цензурой» кошелька, размером и возможностями покупательной способности конкретных слоев населения. «В результате возникает своеобразный социологический парадокс: именно оппозиция к «господствующей

элите», стремящейся утвердить свое идеологическое господство в обществе путем установления контроля над массовым духовным производством, приводит целый ряд радикально настроенных художников к новой разновидности элитарной концепции искусства. Основное положение этой концепции заключается в том, что по отношению к современному государственно-монополистическому «инертному обществу» революционизирующую роль может сыграть лишь искусство, обособившееся от масс, искусство немногих, искусство избранных» (Давыдов, 2008а, стр.369).

В заключение отметим, что мы сами знаем, насколько трудно бывает давать оценку явлениям, которые относятся к числу высоких образцов элитной культуры (Подвойский, 2020). Подобного рода оценки требуют повышенной объективности и адекватности. Во всяком случае, она не терпит субъективизма и тем более волюнтаризма. Ничего подобного в работе Ю.Н. Давыдова мы не находим. Напротив, мы видим системный подход и глубокий философский анализ рассматриваемой им проблемы. На такие работы как «Искусство и элита» рецензии надо писать каждое десятилетие. И каждый раз будут открываться все новые и новые её стороны, возникать новые мысли и оценки этого вклада в развитие элитологической мысли.

Мы знаем, что друг и коллега Ю.Н. Давыдова профессор Г.К. Ашин весьма высоко оценивал его творчество, и считал его одним из первых отечественных исследователей проблемы элитарной культуры и творчества. Нам остается присоединиться к этой высокой оценке и лишь скорректировать некоторые положения этого автора, в свете последних элитологических тенденций. Полагаем, что подобного рода коррекция этически допустима и научно оправдана, поскольку каждое новое поколение исследователей всегда стремится уточнить и развить наследие своих выдающихся предшественников, с целью общего конструктивного развития научной картины мира...

Список литературы

- Давыдов, Ю. Н. (2008а). Искусство и элита. В Труд и искусство: Избранные сочинения (с. 670). Астрель.
Давыдов, Ю. Н. (2008b). Любовь и свобода: Избранные сочинения. Астрель.
Подвойский, Л. Я. (2020). Платоносфера: Избранные труды (Р. Г. Резаков, & П. Л. Карабущенко, Ред.). Экон-Информ.

References

- Davydov, J. N. (2008a). Art and Elite. В Labor and Art: Selected Works (p. 125–382). Astrel'. (In Russian)
Davydov, J. N. (2008b). Love and Freedom: Selected Writings. Astrel'. (In Russian)
Podvoiskiy, L. Y. (2020). Platosphere: Selected Works (R. G. Rezakov, & P. L. Karabushenko, Ed.). Econ-Inform. (In Russian)